

Ю. В. Селезнёв

ORCID: 0000-0002-8224-445X

✉ orda1359@mail.ru

Воронежский государственный университет
(Россия, Воронеж)

ВЫПЛАТЫ РУССКИХ КНЯЗЕЙ «ВО ВСЕ ТАТАРСКИЕ ПРОТОРЫ»

Аннотация. Ордынский выход (выплата) являлся выражением прямых поступлений с русских земель в ханскую казну. Он расценивался как безвозвратные издержки — «татарские проторы». Тяжесть этих убытков должна характеризоваться только в связи с конкретными выражениями сумм выплат. Однако такие цифры известны фрагментарно и только для времени конца XIV — начала XVI в. Несмотря на точность и достоверность источников — духовных (завещательных) и договорных грамот князей, их информация трудно поддается согласованию и вызывает различные трактовки конкретных и общих номинальных сумм, выплачивавшихся русскими князьями в ханскую казну. Важной остается проблема, являются ли представленные в актовом материале суммы щепетильно точным или условным выражением причитающихся с княжеств выплат (показывая только долю, которую князь обязан покрыть из налоговых сборов). Модель функционирования условной системы расчета суммы выхода предложил В. А. Кучкин. Однако П. Н. Павлов рассматривал эти суммы как роспись реальных сборов с каждого владения в общую сумму выхода в тот или иной период. Анализ свидетельств духовных и договорных грамот, летописных свидетельств позволяет утверждать, что между суммами ордынского выхода и количеством налогооблагаемых хозяйств существовала прямая зависимость. Можно обоснованно предполагать, что введенные монголами при переписи населения нормы счета налогооблагаемых объектов и рекрутского призыва в десятичных единицах отразились и на расчете налоговых поступлений. Принципом таких расчетов могли быть условные тысячи, на следы которых обратил внимание В. А. Кучкин. Столицы удельных княжеств вполне могли стать центрами таких тысяч. Прямые и косвенные свидетельства позволяют предположительно назвать целый ряд таких городских и княжеских центров.

Ключевые слова: ордынский выход, налогообложение, русские княжества, Орда, Русь

Для цитирования: Селезнёв Ю. В. Выплаты русских князей «во все татарские проторы» // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 168–185. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-168-185>.

Статья поступила в редакцию 28 августа 2021 г.

Принято к печати 21 октября 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022
Articles

Yu. V. Seleznev

ORCID: 0000-0002-8224-445X

✉ orda1359@mail.ru

Voronezh State University
(Russia, Voronezh)

PAYMENTS BY RUSSIAN PRINCES “FOR ALL TATAR *PROTORY*”

Abstract. The Horde *vykhod* (tribute) was a term for direct receipts from the Russian lands to the Khan's treasury. It was regarded as irrevocable expenses: “Tatar *protory*”. The severity of these losses should only be assessed in relation to specific payment amounts. However, there is only fragmentary data for such figures and only for the time of the end of the 14th — beginning of the 16th centuries. Despite the fact that these are fairly accurate and reliable sources — spiritual (testamentary) and contractual documents of princes — their information is difficult to reconcile and leads to different interpretations of specific and general nominal amounts paid by Russian princes to the Khan's treasury. An important problem remains whether the amounts presented in the act are a scrupulously accurate or a hypothetical (showing only the share that the Prince is obliged to cover from tax collections) expression of payments due from the principalities. A model of the hypothetical system for calculating the amount of tribute was proposed by V. A. Kuchkin. However, P. N. Pavlov considered these amounts as a list of real levies from each principality in the total amount of tribute in a given period. Analysis of the evidence of spiritual and contractual certificates, as well as evidence from chronicles suggests that there was a direct relationship between the amount of the Horde tribute and the number of taxable farms. It can be reasonably assumed that the norms for calculating taxable objects and recruitment in decimal units introduced by the Mongols during the population census also affected the calculation of tax revenues. The principle of such calculations could be hypothetical “thousands”,

the traces of which drew the attention of V. A. Kuchkin. The capitals of appanage principalities could well have become the centers of such “thousands”. Direct and indirect evidence suggests that a number of such urban and princely centers can be identified.

Keywords: Horde “tribute”, taxation, Russian principalities, Horde, Rus

To cite this article: Seleznev, Yu. V. (2022). Payments by Russian princes “for all Tatar protory”. *Shagi / Steps*, 8(3), 168–185. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-168-185>.

Received August 28, 2021

Accepted October 21, 2021

Одним из ключевых признаков зависимости русских княжеств от ордынских ханов на протяжении всего периода существования системы ига [Селезнёв 2012] является налоговая повинность — выплаты в казну ордынских правителей *выхода*, а также взнос на содержание прибывающих ханских послов [Селезнёв 2017a] и отбывающих собственных княжеских килчеев (ильчи) — уполномоченных послов [Селезнёв 2017b: 170–183]. Именно эти фискальные сборы («выходы в ординские») и сборы «в послы в татарские» упомянуты, к примеру, в духовной Ивана III Васильевича (1504 г.), и именно они получили определение «татарские проторы» [ДДГ: 362, № 89]. Необходимо также отметить, что в своем завещании Иван III допускал, что «татарской протор» может быть «боле или менши» [ДДГ: 362, № 89].

В конце XIV и первой половине XV столетия в договорных грамотах русских князей выплаты в ханскую казну назывались «ординская тягость» и приравнивались к проторам/убыткам: «ординская тягость, также и проторь» [ДДГ: 31, № 11].

Показательно, что, согласно данным «Жития Сергия Радонежского», отец будущего Сергия — потомственный ростовский боярин Кирилл — разоряется в связи с расходами на татарских послов («чястыми послы татарскими») и высокими налоговыми пошлинами («чястыми тяжкими данми и выходы еже въ Орду») [Житие 2000: 284].

Обращает на себя внимание и тот факт, что ни ямской сбор (средства на содержание почтовых станций — ямов), который в ряде договорных грамот поставлен в один ряд с выходом [ДДГ: 71, № 27], ни тамга, отмеченная в завещаниях как часть налоговых поступлений в казну князя [ДДГ: 47, № 17], к «ордынским/татарским проторам», т. е. к издержкам и убыткам княжеского хозяйства, в духовных и договорных грамотах не отнесены. Последнее объясняется тем, что, несмотря на общеимперский/ордынский характер сборов на почтовую службу [Арапов 2013] и торговые операции, указанные налоги относились к местным сборам: средства оставались на местах и обеспечивали функционирование дорожной инфраструктуры в рамках политической и экономической деятельности. Сбор на содержание посольств также был местным

налогом (более того, постепенно он стал экстраординарным) [Хорошкевич 2001: 231–232], однако израсходованные на их содержание средства никак не компенсировались ни в удельную, ни в великокняжескую казну, и появление в княжестве послов становилось убыточным и безвозвратным бременем.

Таким образом, прямыми поступлениями в ханскую казну являлись ордынские выходы, выплата которых расценивалась на Руси (по крайней мере при Иване III) как безвозвратные издержки. Степень же тяжести убытков от «ордынских протор» можно трактовать только в связи с конкретными выражениями сумм выплат. Однако точные цифры ордынского выхода источники донесли до нас фрагментарно и только для времени конца XIV — начала XVI столетия. Несмотря на то что это достаточно точные и достоверные источники — духовные (завещательные) и договорные грамоты князей, — информация их трудно поддается согласованию и вызывает различные трактовки конкретных и общих номинальных сумм, выплачивавшихся русскими князьями в ханскую казну.

Ключевой дискуссионной проблемой является вопрос, являются ли обозначенные в актовом материале суммы условными (подразумевающими только долю, которую обязан покрыть князь из налоговых сборов) или они представляют собой реальное и точное выражение причитающихся с княжеств выплат.

Модель функционирования условной системы расчета суммы выхода предложил В. А. Кучкин. Опираясь на вывод В. А. Аракчеева [2017: 29] об условности расчетной тысячи рублей в конце XV — начале XVI в., он привел наглядную аргументацию в пользу существования условной счетной единицы в виде «тысячи рублей» и в более раннее время (конец XIV — середина XV в.). Так, по вычислениям В. А. Кучкина, 105 рублей выплат с Углич Поля представляли условную единицу или долю выплат в каждую тысячу суммы общего выхода: «...побор с Углича при 7000-м “выходе” должен был составить 735 рублей, а при 5000-м “выходе” — 525 рублей» [Кучкин 2019: 110–111].

В свою очередь, В. А. Аракчеев обратил внимание на особенности начисления долей при раскладке выхода в договоре великого князя Ивана III Васильевича с братом князем углицким Андреем и с братом князем вологодским Андреем Васильевичем Меньшим (Молодым) [Аракчеев 2017: 29]. Автор приводит аргументы в подтверждение концепции В. О. Ключевского о наличии условного оклада, по которому должны были разверстываться текущие суммы налоговых поступлений. Относительно сведений духовной князя Дмитрия Ивановича Ключевский, в частности, отмечает: «...завещатель указывает, сколько должен вносить каждый из его наследников в состав каждой тысячи рублей (здесь и далее разрядка моя. — Ю. С.) ордынской дани» и справедливо заключает: «Очевидно, взнос каждого участника соразмерялся с доходностью его удела». Далее исследователь указывает, что старший сын Дмитрия Василий «должен был вносить в состав тысячи не пятую часть (сыновей-наследников у Дмитрия Ивановича было пятеро. — Ю. С.), а 342 рубля, т. е. больше трети всей суммы» [Ключевский 1988: 38]. Уже в завещании князя Ивана III Васильевича старший сын и наследник «должен был вносить в тысячу 717 рублей, т. е. около $\frac{3}{4}$ всей суммы, почти втрое больше, чем все младшие братья вместе» [Там же: 38–39].

Однако достаточно точный и скрупулезный расчет выплат в Орду в завещаниях и договорах великих и удельных князей позволяет рассматривать эти суммы и как роспись реальных сборов с каждого владения в общую сумму выхода в тот или иной период. Именно так расценивал упомянутые денежные расклады П. Н. Павлов, который посвятил налоговым выплатам русских князей в Орду специальную работу [Павлов 1958].

Рассматривая выплату в 1502 г. выхода в Большую Орду, А. Л. Хорошкевич [2001: 233–234] отметила, что она представляла собой определенную сумму, которая должна была собираться ежегодно.

Согласно С. М. Каштанову [1988: 7, 44–45], выход (ордынская дань) представлял собой часть ежегодной дани, собранной для князя.

Попытки установить общую сумму выхода в Орду хотя бы с Северо-Восточной Руси носят достаточно умозрительный характер. К примеру, П. Н. Павлов «очень» предположительно отметил: «...дань с Северо-Восточной Руси должна была составить 13–14 тысяч рублей» [Павлов 1958: 96–97].

Более развернутую аргументацию предложил Г. В. Вернадский. Столь же приблизительно он констатировал, что соху, с которой как с единицы налогообложения взимали полтину, «можно было бы приравнять к одной десятой десятка». Тогда в тьме было 10 000 хозяйств (или сох и, следовательно, «половина рубля с сохи означала бы сбор пяти тысяч серебряных рублей с тьмы»). Учитывая, «что Великое княжество Владимирское состояло из 17 тем (при Тохтамыше), мы приходим к цифре в 85 000 серебряных рублей, как общей сумме дани, выплачивавшейся Великим княжеством Владимирским в 1384 г.». Далее автор делает допущение: «Если и другие восточнорусские великие княжества платили по той же норме, то Рязань должна была выплачивать 10 000 рублей, а Нижний Новгород и Тверь — по 25 000 рублей. Общая цифра для Восточной Руси, исключая Новгород Великий, равнялась бы тогда 145 000 рублей». При этом Вернадский «склонен думать, что на основные новгородские земли была наложена дань, как на пять тем» и приводит размышления о том, что «поскольку новгородцам самим было предоставлено право собирать налоги, они вполне могли счесть для себя более удобным приравнять каждую волость одной тьме». Однако он предполагает и обратный вариант: «...возможно и то, что организация так называемых пятин в Новгороде приняла окончательную форму в монгольский период в соединении с принятой тогда системой налогообложения» [Вернадский 1997: 239].

Таким образом, умозрительные исчисления ордынского выхода с княжеств Северо-Восточной Руси колеблются от 14 000 до 145 000, представляя собой разброс в десятки раз.

Тем не менее согласование упомянутых в актовом материале (духовных и договорных грамотах князей) сумм, собираемых для выплат в Орду, и числа податных налогооблагаемых единиц: хозяйств сох / деревень, должно показать принцип формирования денежного выражения ордынского выхода.

Основой для подобного соотношения может стать факт прямой связи установления числа податных единиц путем переписи с налоговыми поступлениями в ханскую казну. Так, персидский автор Джувейни отметил, что монголы-татары на завоеванных землях «повсюду ввели перепись по установленному образцу и всё население поделили на десятки, сотни и тысячи и установили

порядок набора войска, ямскую повинность и расходы на проезжающих и поставку фуража, не считая денежных сборов» [Джувейни 2004: 25]. В отмеченные в источнике денежные сборы входил ежегодный выход, который был установлен в размере 10% от общих доходов хозяйства. О таком соотношении налоговых сборов позволяет говорить известие о том, что при вторжении на Русь в 1237 г. монголо-татары требовали «десятины во всем». Такое же условие — выделение «десятины и тамги» — содержалось при переписи ордынцами в 1257–1259 гг. Новгородской земли [ПСРЛ (3): 7, 82]. И если в условиях военного завоевания неопровержимо говорить о формировании строгих налоговых ставок не вполне корректно, то свидетельство Новгородской I летописи прочно связывает перепись дворов с десятипроцентными выплатами в казну хана. Надо полагать, что данное соотношение выхода к общим доходам княжеств сохранялось на всем протяжении существования ордынского государства в XIII–XV вв. (во всяком случае, свидетельств об изменении налоговых ставок в источниках не сохранилось).

При переписи населения Руси в 1257–1259 гг. называются учрежденные «десятки, сотни, тысячи и тьмы», которые, согласно Джувейни, представляли собой податные единицы. А. А. Горский пришел к выводу, что «в ходе переписи 1257 г. в Северо-Восточной Руси, установившей систему “тем”, учитывалось, скорее всего, мужское население работоспособного возраста» [Горский 2014: 71]. Подобный принцип налогообложения отражен, к примеру, в формулировках духовных грамот (второй от 1417 г. и третьей от 1423 г.) великого князя Московского и Владимирского Василия I Дмитриевича в словах: «А те волости, и села, што есмь подавал своєю княгине, послав сын мои да моя княгини, опишют да положат на них дань по людем, по силе, и книгини моя даст с тех волостей и сел дань по розочту и ям, что ся коли им имет» [ДДГ: 59–61, № 21]. Однако в духовной великого князя Московского и Владимирского Василия II Васильевича (около 3 мая 1461 г. — 27 марта 1462 г.) говорится о взимании дани «по сохам и по людем» [ДДГ: 197, № 61]. Это позволяет говорить о синкретичном характере налогообложения в ордынский период: с одной стороны, учитывалось все мужское население работоспособного возраста, с другой, его платежеспособность определялась приравненными к сохе социально-экономическими единицами.

Показательно, что принцип взимания дани «по сохам» отмечается в послании эмира Идигу (Едигея) великому князю Василию I Дмитриевичу. Среди обвинений в ряде проступков, которые вызвали поход ордынских войск на русские княжества зимой 1408 г., упоминается следующее: «...а что еси имал в твоей државе со всякого улуса з дву сох рубль, и то серебро где ся девае?» [ПСРЛ (4/1): 406–407; ср. (11): 211]. При сборе дани в 1384 г. выход брался «со всякие деревни по плтине» [ПСРЛ (15/1). Стлб. 149]. То есть данные документы приравнивают друг к другу деревню и соху. Таким образом, основой налогообложения выступает соха.

Новгородская вечевая грамота о предоставлении московскому князю черного бора (около 1448–1461 гг.) содержит описания приравненных к сохе социально-экономических единиц: «А в соху два коня, а третье припряжь; да тшан кожевнической за соху; невод за соху; лавка за соху; плуг за две сохи; кузнец за соху; четыре пешцы за соху; лодья за две сохи; црен за две сохи.

А кто сидит на исполовыи, на том взяти за полсохи» [ГВНП: 38–39]. Как отметил В. Л. Янин, в социальную регламентацию выплачивающих дань входит разнообразный и широкий круг лиц. В грамоте упомянуты земледельцы («а в соху два коня, а третье припряжь», «плуг за две сохи», «четыре пешцы за соху»), ремесленники («да тшан кожевнической за соху», «кузнец за соху»), рыболовы («невод за соху»), солевары («црен за две сохи»), торговцы («лавка за соху»), перевозчики («лодя за две сохи») — т. е. те категории свободных людей, которые объединялись термином «черные люди» [Янин 1983: 107].

Взяв за основу наблюдение об учете работоспособного мужского населения в качестве налогоплательщиков, А. А. Горский предложил расчет выплат выхода в 1380-е годы. При учете 15 «тем» (150 000 единиц) Владимирского княжества вычисленная сумма в среднем составила 250 рублей с одной «тмы» [Горский 2014: 69]. Однако если принять, что каждое хозяйство, представлявшее соху, было такой фискальной единицей, мы получаем 500 рублей с каждой «тмы» [Селезнев 2020а: 176–177]. Противоречие и погрешность результатов различных способов расчета могут быть сняты, если мы учтем, что каждый работоспособный мужчина был единицей налогообложения. И тогда суммы расклада, произведенного Горским, необходимо увеличить в два раза — именно такой порядок расчета предлагает автор при рассмотрении суммы выплат с наименьшей единицы налогообложения: «...податными единицами считались взрослые работоспособные мужчины», что требует умножения 0,0025 рубля на двух работников [Горский 2014: 70]. При таком подходе цифра, выведенная Горским, совпадет с цифрой, рассчитанной автором данных строк.

В историографии установилось прочное мнение, что общее количество выхода, полагающееся для выплаты в Орду с территории Великого княжества Владимирского в духовных князей Дмитрия Ивановича Донского и Владимира Андреевича Серпуховского, определяется в «пять тысяч рублей». Частью этой суммы являлась московская тысяча, которая в зависимости от политической ситуации либо прибавлялась, либо изымалась из общего количества выхода. К примеру, С. М. Каштанов отметил, что «во времена Дмитрия Донского серпуховская дань бралась уже не в московский оклад (1000 руб.), а великокняжеский (5000 руб.). Оклад московской дани составлял $\frac{1}{5}$ великокняжеского» [Каштанов 1988: 8]. Именно так рассматривают слова летописца о том, что Токтамыш «Василия Дмитриевича приа в 8000 сребра» [ПСРЛ (4/1. Вып. 2): 239; ср. Селезнев 2010], А. А. Горский [1998: 31–32; 2000: 108–109]¹ и В. В. Трепавлов [2015].

Далее в актовом материале отмечается увеличение размера выхода до семи тысяч рублей (договор великого князя Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем примерно 1401–1402 гг.

¹ По мнению исследователя, московское посольство привезло в Орду дань за два года с Московского княжества, а уже в Орде была достигнута договоренность о том, что Дмитрий заплатит за те же два года выход с территории Великого княжества Владимирского. То есть Москва признала долг по уплате выхода с Московского княжества за время правления Токтамыша. Выплата же задолженности выхода с Великого княжества Владимирского была поставлена в зависимость от ханского решения о его судьбе: в случае оставления великого княжения за Дмитрием он гарантировал погашение долга, а если бы Токтамыш отдал Владимир Михаилу Тверскому, Москва считала себя свободной от этих обязательств.

[ДДГ: 44, № 16], духовная князя Галицкого и Звенигородского Юрия Дмитриевича от 1433 г. [ДДГ: 74, № 29]).

П. Н. Павлов объяснил увеличение размеров общего оклада выхода следующим образом: «...после ликвидации великого княжения Нижегородско-Суздальского и присоединения его территории к “уделу” Василия I (1391–1392 гг.) и полторатысячная нижегородская дань присоединялась к пятитысячной дани великого княжения Владимирского». Проблему неполного совпадения полученной суммы со свидетельством источника (6500 вместо 7000) исследователь решил предположением о том, что «к этой сумме прибавлялась дань с присоединенных к Московскому княжеству “Мурома с волостями, и что к нему потягло, и Мещеры с волостями, и что к ней потягло”» [Павлов 1958: 103].

С. М. Каштанов [1988: 9] поддержал данное предположение (правда, не столь безоговорочно), при этом отметил как интересный факт, что «дань с Углича вносилась в семитысячный оклад, а дань с Городца — в полторатысячный» [Там же: 9].

Действительно, в dokonчании великого князя Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем общие суммы, в которые причитаются конкретные выплаты, непротиворечиво и четко противопоставлены друг другу и разведены: «А дати ми, г(о)с(поди)не, тебе с Углича поля в сем(ь) тысяч руб. сто руб. и пят(ь) руб., а с Городца и с тех волостей, которые ми еси волости к Городцю придал, дати ми тебе в полторы ты с а ч и руб. сто руб. и шесть десят руб.» [ДДГ: 44, № 16].

Признаки подобного противопоставления мы наблюдаем и в завещании князя Владимира Андреевича Серпуховского, в котором отмечено, что «коли выйдет дань великог(о) кн(я)зя ко Орде в пят(ь) тысяч рублей имется дати дъям моим и кн(я)г(и)ни моей и их уделом триста рублей и дватцат(ь) рублей, оприснь Городца и Углича поля» [ДДГ: 49, № 17].

То есть 320 рублей должны были поступить в княжескую казну для формирования пятитысячного выхода, исключая («оприснь» — кроме) выплат с Городца (в полторы тысячи) и Углич Поля (в семь тысяч). Во всяком случае, эти выплаты шли сверх 320 и составили в том же документе общую сумму выплат Серпуховского княжества в 585 рублей.

По договору с великим князем Василием Дмитриевичем от 1390 г. князь Владимир Андреевич Серпуховской обязуется выплачивать в пятитысячный выход ту же сумму в 320 рублей, а также с Волока 170 рублей в тот же пятитысячный оклад. И никакого противоречия и противопоставления, кроме выделения особой волоцкой суммы, мы не наблюдаем: «А дати ти, брате, мне, князю великому, свое оч(и)ны в пять тысяч руб. триста руб. и дватцать руб. А с Растовца и с Перемышля, и с Козлова Броду взяти ти собе в то же серебро. А с Волока ти дати мне в пять ты[сячь] руб. сто руб.] и семьдесят руб.» [ДДГ: 38, № 13].

Волок Ламский был в совместном владении Новгородской земли и великого князя владимирского, в том числе в момент соединения Московского княжества и великого Владимирского княжества [Кучкин 1984: 131, 143]. Надо полагать, что налоги с волоцких земель, в том числе ордынский выход,

поступали в великокняжескую казну (но не в московскую!). Следовательно, и 320 руб. серпуховской суммы, и 170 волоцкой дани поступали в пять тысяч ордынского выхода великого Владимирского княжества.

В договоре великого князя Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем фиксировался обмен владениями: князь Владимир «отъступился» великому князю «Волока с волостми и Ржевы с волостми», а князь Василий «противу того отъступился <...> Противу Волока, Городца с волостми <...> и что в Городце и в тех волостях пути и пошлыны, то все брату моему <...> А противу Ржевы отъступился есмь князю Володимеру <...> в вотчину Оуглеча с пути, и с пошлынами» [ДДГ: 43, № 16].

Именно после этого обмена с Углича князь Владимир стал выплачивать в семитысячный оклад 105 рублей, а с Городца — в полторатысячный нижегородский — 160 рублей.

Составленная после данного обмена духовная грамота князя Владимира Андреевича сохраняет свидетельство о пятитысячном великокняжеском выходе, исключая из него выплаты с Углича и Городца. Как отмечено в договорной грамоте великого князя Василия и князя Владимира, 160 городецких рублей шли в состав нижегородского выхода. Надо полагать, что 105 рублей угличских выплат также шли сверх пяти тысяч в какой-то «двухтысячный» выход, присоединяемый к великокняжеским платежам. Это тем более вероятно, что в своем завещании (около февраля 1433 г.) князь звенигородский и галицкий Юрий Дмитриевич с каждой части своих владений должен был внести «в семтысячной выход» со Звенигорода «пятьсот. руб. и одиннатцать руб.», а с Галича «пятьсот руб. и пол-30 руб.» [ДДГ: 74, № 29] (в сумме 1036 руб.). Несомненно, что в 511 рублей входила звенигородская дань, определяемая в завещании князя Дмитрия Ивановича в 272 рубля. С большой долей вероятности мы можем предполагать, что в эту же сумму был включен дмитровский выход, обозначенный в завещании Донского в 111 рублей. П. Н. Павлов [1958: 104] предположил, что оставшаяся сумма в 128 рублей приходилась на Вятку.

Дань с Галича в завещании князя Дмитрия Ивановича не упоминалась. Галич в духовной Донского был обозначен как купля «своего деда», т. е. князя Ивана Даниловича Калиты. Так же «куплями» были обозначены Белоозеро (завещанное Андрею) и Углич Поле (завещанное Петру). Причем Галич и Белоозеро были в завещании отнесены к великокняжеским землям (наряду с Владимиром, Переяславлем, Костромой: «А се даю своей княгине из велик(о)го княженья оу с(ы)на оу своего, оу князя оу Васил(ь)а, ис Переиславля Юлку, а ис Костромы Иледаж с Комелою, а оу князя оу Юрья из Галич(а) Соль, оу князя оу Оньдрея из Белаозера Вольское съ Шаготью и Милолюбьскии езь. А из Володимерских сел княгине моей Оньдреевское село, а ис Переяславских сел Доброе село, и что к ним потягло» [ДДГ: 34, № 12]). Надо полагать, что в 1389 г. когда князь Дмитрий Иванович составлял свое завещание, суммы ордынского оклада были разделены на московскую тысячу и на пять тысяч великокняжеского выхода. И существовала еще одна тысяча, в которую выплачивался выход с Углича. С большой долей вероятности такую тысячу мог составить ростовский выход, ведь Углич до его «купли» Иваном Калитой был уделом именно Ростовского княжества [Кучкин 1984: 120, 283]. Косвенно на существование «ростовского выхода» указывают слова «Повести о Петре,

царевиче ордынском», в которой при описании суммы, затребованной ростовским князем для выкупа земли под постройку церкви Петра и Павла, указывается, что она составила «множество злата и сребра, еже бы 10 выход дати» [Повесть 1984: 20–37].

Правомочность предположения об отдельном ростовском выходе определяется также и тем, что по договорным грамотам русских князей известен особенный «ярославский царев выход»: «А с полу-Заозерья давати ми тебе, г(осподи)не, великому кн(я)зю, по тому, как переже сег(о) давали заозерьскы кн(я)зи ярославским во тцарев выход» [ДДГ: 147, № 48]; «А с Романова городка давати ти татарщину къ Ярославлю по старине» [ДДГ: 234, ср. 236, 238, 240, 244, 246, 249, № 70]. Из приведенных свидетельств договоров 1447 и 1473 гг. становится очевидным, что из разных частей Ярославского княжества, перешедших во владения московского княжеского дома, сумма ордынского выхода продолжает собираться в отдельный «ярославский» оклад. Причем в последнем случае в более поздних грамотах мы видим механизм слияния суммы ярославского выхода с выплатами со всего удела: если в 1473 г. в договоре великого князя Ивана Васильевича со своим братом князем углицким Андреем Васильевичем упоминается от имени князя Андрея что «выход мне давати по тому как еси давал после отца моего великого князя, доколе опишемся, по духовной грамоте отца своего» [ДДГ: 234, ср. 236, 238, 240, 244, 246, 249, № 70], то в договоре 1481 г. уже упомянута конкретная сумма: «А въ выход ти мне давати, въ тысячу рублев, сто рублев и тритцят(ь) алтын и три денги <...> А с Романова городка давати ти татарщину къ Ярославлю по старине» [ДДГ: 254, ср. 256–257, 259, 262, 265, 267, № 72]. То есть сумма великокняжеских сборов для выхода в Орду определяется в 1000 рублей, тогда как «татарщина» с Романова городка в Ярославль составляет отдельную сумму. Однако уже в договоре 1486 г. обе выплаты объединены в одну сумму и в единый оклад: «А въ выход ти нам давати со всее съ своее вотчины, и с Романова городка, в тысячу рублев, сто рублев и полшеста рубля и пол(ь)осма алт(ы)на» [ДДГ: 325, ср. 328, № 82]. То есть сумма с Романова городка (составившая $155,75 - 133,3 = 22,45$) присоединена к общей великокняжеской, а «ярославский выход» слился с общекняжеским.

Таким образом, наряду с нижегородским выходом в договорах русских князей точно фиксируется существование ярославского оклада, который к 1486 г. слился с общекняжескими суммами. Ответственность за его сбор до включения ярославских земель в состав владений московского княжеского дома была возложена на ярославских князей, а местом его концентрации должен был быть Ярославль.

Показательно, что во время восстания против ордынских откупщиков в 1262 г. («вкупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани») как очаги волнений названы Ростов, Владимир, Суздаль и Ярославль: «и выгнаша из городов . из Ростова . изъ Володимера . ис Суждала изъ Ярославля» [ПСРЛ (1): 476]. Надо полагать, что перечисленные города как раз и являлись административными центрами сбора ордынских налоговых поступлений. Соответственно, кроме Ярославля и великокняжеского Владимира, Нижнего Новгорода и Москвы, известных нам по духовным и договорным грамотам русских князей, к центрам концентрации ордынского выхода стоит отнести Ростов и Суздаль.

Относительно Суздаля как одного из центров сбора ордынского выхода важно свидетельство договора князя Дмитрия Юрьевича Шемяки с суздальскими князьями Василием Юрьевичем и Федором Юрьевичем (7 июня — 17 ноября 1445 г.). Во-первых, от имени суздальских князей провозглашается важный пункт удельного суверенитета: «А Орда намъ, г(осподи)не, знати собою». Во-вторых, подчеркивается: «А въ прадедину н(а)шю, и в дедину, и въ отч(и)ну, в Суздаль, в Новгород, в Городец, и въ Вятку, и во всю пятетем Новъгородскую, тебе, г(осподи)ну н(а)шему, кн(я)зю Дмитри(ю) Юриевич(ю), и твоему с(ы)ну, кн(я)зю Иван(у), не вступатися ничим» [ДДГ: 119, № 40]. То есть в договоре выделены княжеские центры Нижегородско-Суздальского княжества, а также отмечено, что территория княжества составляла пять «тем» — 50 000 налогооблагаемых хозяйств. При окладе в полтину с сохи ордынский выход должен был составить 2500 рублей (10% от всего сбора в 25 000 рублей). Однако в договоре великого князя Василия Дмитриевича с князем Владимиром Андреевичем нижегородский выход определен в полторы тысячи рублей. При этом из перечисленных в договоре 1445 г. центров Нижегородско-Суздальского княжества в начале XV столетия (времени договора Василия I и серпуховского князя) неподконтрольным московскому княжескому дому оставался именно Суздаль. Таким образом, на суздальский удел выпадает сумма в 1000 рублей (2500 общего оклада минус 1500 нижегородской дани) и 20 000 — две «тмы» хозяйств.

Кроме того, учет единиц налогообложения позволяет рассмотреть иные суммы ордынского выхода и их сочетания при учете количества упоминаемых в источниках хозяйств. К примеру, Хронограф редакции 1512 г. сохранил свидетельство о том, что к 1399 г. Великое княжество Владимирское состояло из 170 000 хозяйств, т. е. 17 «тем» [ПСРЛ (22): 423]. При учете ставки налогообложения в «рубль с двух сох», или «полтина с деревни», общая сумма сборов должна была составить 85 000 рублей, а десятипроцентный ордынский выход — 8500 рублей. Показательно, что именно такую сумму дает объединение семитысячного оклада, упоминаемого в завещаниях русских князей, и полторатысячного нижегородского оклада.

Без нижегородской части облагаемых хозяйств владимирское исчисление составит 140 000 податных единиц — т. е. 14 «тем». А в случае включения в сумму семи тысяч московской тысячи и ростовской или/(и?) ярославской (предположительно) исключительно владимирский оклад составит 5000 рублей, собираемых с 100 000 хозяйств, или 10 «тем». В случае прибавления к этим десяти «тмам» пяти «тем» Нижегородско-Суздальского княжества мы получаем цифру в 15 «тем» (150 000 хозяйств). Симптоматично, что именно это количество хозяйств указано в Рогожском летописце при описании передачи ярлыка на великое княжение нижегородскому княжескому дому в 1360 г.: «дая <...> княжение великое, 15 темъ» [ПСРЛ (15/1). Стлб. 68]. А сумма выхода с данного количества хозяйств должна была бы составить 7500 рублей.

Любопытно в связи с данными расчетами упоминание в Новгородской IV летописи еще одной суммы ордынского выхода. Так, под 6891 (1383) годом отмечено, что «посла князь великий Дмитрий в орду къ царю сына своего Василья <...> тягаться о великом княжении», а также указано, что «выиде из орды князь Михаило Тферьскый безъ великаго княжения, а Василья Дмитриевича

прия царь въ 8000 сребра» [ПСРЛ (4/1. Вып. 2): 339]. А. А. Горский, исходя из положения о том, что ежегодный ордынский выход составлял 5000 рублей, включая московскую тысячу, отметил, что указанная сумма в 8000 рублей представляет собой сумму сборов для ханской казны с Великого княжества Владимирского за два года (по 4000 в год): «...очень вероятно, Василий привез в Орду дань за два года с Московского княжества <...>, а уже в Орде была достигнута договоренность, что Дмитрий заплатит за те же два года выход с территории великого княжества Владимирского (8000 рублей)» [Горский 2000: 109]. Рассуждения Горского вполне справедливы. Однако если предположить, что 8000 рублей представляли собой не долг за два года, а ежегодную выплату, которую гарантировал московский князь, то эта сумма должна была состоять, к примеру, из 7000 (великокняжеская) плюс 1000 (московская) рублей. Но такой состав возможен, если тысячу Москвы исключить из семитысячного оклада, известного по духовным и договорным грамотам князей. Причем условием такой вероятности должно быть, к примеру, исчисление ярославского выхода (также известного по грамотам) в тысячу рублей и ростовского выхода (выявляемого по косвенным данным) в такую же сумму — тысячу рублей. Если именно эти суммы составляли две тысячи, прибавляемые к пятитысячному владимирскому окладу, тогда московская тысяча добавлялась к суммам общих раскладов выплат в Орду. Именно московский князь мог гарантировать сбор средств с Ростова и Ярославля, а также иных земель Владимирского княжества, тогда как ни тверской, ни нижегородские князья такими ресурсами в середине 1380-х годов не обладали.

К примеру, сумма выхода с Тверского княжества в 1321 г. составляла 2000 рублей [ПСРЛ (3): 96; (15/1). Стлб. 41]. Как подчеркнул А. А. Горский, поскольку весной 1321 г. ордынскими должниками были собраны недоимки со второго по значению города в княжестве — Кашина, есть все основания полагать, что «тверские платежи за предыдущие годы были собраны, и эти 2000 рублей являлись данью за один год» [Горский 2000: 53]. К 1380-м годам тверские князья добились самостоятельности в отношениях с Ордой, и в частности в выплатах выхода. В случае же получения ярлыка на Владимир тверской князь Михаил Александрович мог обеспечить выплату в 7000 рублей (5000 владимирской дани плюс 2000 тверской). И то только в том случае, если бы тверскому князю удалось организовать сборы с Великого княжества Владимирского: когда в 1371 г. князь Михаил прибыл к стенам Владимира с ярлыком на великое княжение от Мамай, ему не удалось даже войти в город для интронизации [ПСРЛ (15/1). Стлб. 93; 95; Горский 2000: 83–84].

Таким образом, соотнесение суммы ордынского выхода с количеством налогооблагаемых хозяйств позволяет нам сделать следующие наблюдения.

Во-первых, прослеживается четкая корреляция между зафиксированными в духовных и договорных грамотах суммами выплат в Орду и указанными податными единицами в виде «тем». Во всяком случае, свидетельства о Нижегородско-Суздальском княжестве как сумме хозяйств в пять «тем» («пятитем новгородская») и о доле выплат с Нижнего Новгорода, Городца и Вятки в 1500 рублей позволяют выделить долю выплат с Суздаля и определить ее в 1000 рублей, а общую сумму с Нижегородско-Суздальского княжества — в 2500 рублей. Соответственно, с 50 000 хозяйств в Орду собиралось 2500 рублей.

Во-вторых, выявленное соотношение позволяет определить порядковые числа налогооблагаемых единиц и в других княжествах, суммы выплат с которых встречаются в источниках. В частности, в Московском княжестве при выплатах в тысячу рублей должно быть 20 000 хозяйств — две «тьмы». Во Владимирском великом княжестве при сумме оклада в 5000 рублей — 100 000 хозяйств — 10 «тем»; при окладе в 7 000 рублей — 140 000 хозяйств (14 «тем»). Тверское княжество, выплачивавшее 2000 рублей, составляло 40 000 хозяйств — четыре «тьмы».

В-третьих, перед нами открывается возможность обратных расчетов: если нам известно количество налогооблагаемых хозяйств, то мы можем выявить и сумму выплат с территории. В частности, сохранившееся в Любецком синодике свидетельство о том, что великий князь черниговский Олег Романович оставил «дванадесять тем людей» [Зотов 1892: 26] — 12 000 хозяйств, — позволяет рассчитать суммы выхода с Черниговских земель в конце XIII столетия. При применении предложенной методики расчетов сумма оклада должна составить 6000 рублей.

О количестве хозяйственных единиц в Новгородской земле около 1430 г. может свидетельствовать упоминание о сборе и выплате контрибуции великому князю Витовту в 1428 г.: «И ту приеха владыка Еуфимий <...> и докончаша другую 5000 серебра <...> а то серебро браша на всихъ волостех Новгородскихъ и за Волоком, с десяти человекъ по рублю» [ПСРЛ (4/1. Вып. 2): 432]. Данный расклад показывает, что к этому времени в Новгородской земле (включая заволоцкие владения) существовало 50 000 хозяйств, несущих бремя налогообложения. Ордынский выход — черный бор московского князя — должен был составить в таком случае 2500 рублей, что в два с половиной раза превышало количество серебра, собиравшегося в великокняжескую казну с территории Московского княжества. Показательно, что по расчетам Д. Мартин ежегодный доход от максимального экспорта Великим Новгородом беличьих шкурок в конце XIV в. составлял около 2800 рублей [Martin 1986: 270–288]. Именно эта статья внешней торговли Великого Новгорода, по мнению Г. Г. Попова, иногда покрывала требования великих князей ордынского выхода и составляла черный бор [Попов 2011: 28–29]. Таким образом, различные способы расчета суммы ордынского выхода показывают примерно равные цифры: во всяком случае, порядок цифр принципиально соизмерим (погрешность составляет 11%) [Селезнев 2020b].

Однако П. Н. Павлов [1958: 96] применительно к событиям зимы 1327/1328 г., когда на Тверское княжество была направлена карательная экспедиция хана Узбека, определяет сумму выхода с Великого Новгорода в 2000 рублей. Основой такого мнения является свидетельство Новгородской I летописи о том, что, разорив Тверское княжество и Новоторжскую волость, «И в Новьгород прислаша послы Татарове, и даша имъ новгородци 2000 серебра, и свои послы послаша с ними к воеводамъ съ множествомъ даровъ» [ПСРЛ (3): 98]. Павлов подчеркивает, что обозначенная сумма — не контрибуция, ведь Новгород не подвергся нападению, а в условиях, когда владимирский великокняжеский стол оказался вакантным, хан Узбек поручил своим послам взыскать выход с новгородцев [Павлов 1958: 96]. Действительно, контекст летописной записи четко разводит ордынских послов, которым «даша 2000 се-

ребра» и ордынских воевод, к которым прибыли новгородские послы «съ множеством даровъ». Вероятно, для первой трети XIV столетия сумма выхода с Новгорода определялась в 2000 рублей. Увеличение могло произойти в связи с присоединением «закамского серебра» — выплат с «заволоцких» владений Великого Новгорода. Такое требование выдвинул в 1333 г. князь Иван Данилович: «Того же лета великий князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гневъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра закамьского» [ПСРЛ (3): 99]. В. Л. Янин обратил внимание на свидетельство так называемой Коми-Вымской летописи, в которой под 1333 г. отмечено: «Лета 6841. Князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцов, почто устюжци и ноугородци от Вычегды и от Печеры не дают чорный выход ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печеру, и с тех времен князь московской начал взымати дани с пермские люди» [Документы 1958: 257; Янин 1983: 101]. Контрибуцию для литовского князя Витовта в 1428 г. собирали «на всихъ волостех Новгородцихъ и за Волоком». В этой связи можно предполагать, что доля сборов в сумму ордынского выхода с Вычегды и Печеры составляла 500 рублей с 10 000 хозяйств; взималась она в великокняжескую казну нерегулярно, начиная с 1330-х годов. До этого времени основную сумму новгородского выхода составляли 2000 рублей, собираемых с 40 000 хозяйств.

Таким образом, свидетельства духовных и договорных грамот, а также летописные данные позволяют выявить основания для соотнесения суммы ордынского выхода с количеством налогооблагаемых хозяйств. При этом вполне вероятно, что введенные монголами при переписи населения нормы счета налогооблагаемых объектов и рекрутского призыва в десятичных единицах отразились и на расчете денежных норм. Возможно, основой таких расчетов стали условные тысячи, на следы которых обратил внимание В. А. Кучкин [2019]. Такими тысячами вполне могли быть центры удельных княжеств. Прямые и косвенные свидетельства позволяют предположительно назвать ряд подобных городских и княжеских центров. Однако выявление особенностей и деталей формирования и функционирования центров сбора ордынского выхода требует более глубокого и детального исследования системы налогообложения на Руси в XIII–XV вв.

Источники

- Джувейни 2004 — *Ала-ад-Дин ата-Мелик Джувейни*. Чингиз-хан: История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
- Документы 1958 — Документы по истории Коми / Публ. П. Г. Доронина // Историко-филологический сборник / Коми филиал АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. С. 241–271.
- Житие 2000 — Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV — середина XV в. / Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 2000. С. 254–411.

- Повесть 1984 — Повесть о Петре, царевиче ордынском // Памятники литературы Древней Руси. [Вып. 6]: Конец XV — первая половина XVI века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худ. лит., 1984. С. 20–37, 667–671.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки рус. культуры, 1997; Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1: Новгородская четвертая летопись. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К°, 1915; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2: Новгородская четвертая летопись. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1925; Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 22: Русский хронограф. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Тип. М. А. Александра, 1911.

Литература

- Аракчеев 2017 — *Аракчеев В. А.* Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV в. // Великое стояние на реке Угре и формирование российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: Материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф. (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга) / Отв. ред. И. Н. Берговская, В. Д. Назаров. Калуга: Изд. Захаров С. И. (СерПа), 2017. С. 17–31.
- Арапов 2013 — *Арапов Д. Ю.* Почтовые повинности в Азии и Восточной Европе в древности и раннем средневековье // Восточная Европа в древности и средневековье. Т. 25. 2013. С. 7–11.
- Вернадский 1997 — *Вернадский В. Г.* Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1997.
- Горский 1998 — *Горский А. А.* Московско-Ордынский конфликт начала 80-х гг. XIV века: причины, особенности, результаты // Славяне и кочевой мир: Средние века — раннее Новое время: Сб. тезисов XVII конф. памяти В. Д. Королюка / [Отв. ред. Л. В. Зборовский]. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1998. С. 31–32.
- Горский 2000 — *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000.
- Горский 2014 — *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Т. 10 (157). 2014. С. 58–79.
- Зотов 1892 — *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1892.
- Каштанов 1988 — *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М.: Наука, 1988.
- Ключевский 1988 — *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 2 / Под ред. В. Л. Янина; Послел. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1988.
- Кучкин 1984 — *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984.
- Кучкин 2019 — *Кучкин В. А.* Ордынский «выход» (по материалам душевных и договорных грамот русских князей XIV–XVI вв.) // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Сб. материалов X междунар. конф. (9–13 сентября 2019 г.): Прилож. к ж-лу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» / Отв. ред. Е. Л. Коняевская. М.: Индрик, 2019. С. 110–111.
- Павлов 1958 — *Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. 13. Вып. 2. 1958. С. 74–112.
- Попов 2011 — *Попов Г. Г.* Влияние монгольского завоевания на социально-экономическое развитие Руси. Основные аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Экономика. 2011. № 4. С. 28–29.
- Селезнев 2010 — *Селезнев Ю. В.* Токтамыш — последний хан единой Орды // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 122–131.

- Селезнёв 2012 — Селезнёв Ю. В. Происхождение понятия «монголо-татарское иго» (терминологическая заметка) // Российская история. 2012. № 4. С. 107–110.
- Селезнёв 2017a — Селезнёв Ю. В. «Татарский проезд» — фискальное обеспечение административного управления и транспортных коммуникаций золотоордынского государства (на территории русских земель) // Золотоордынское обозрение = Golden Horde Review. Т. 5. № 3. 2017. С. 591–599.
- Селезнёв 2017b — Селезнёв Ю. В. Картины ордынского ига. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2017.
- Селезнев 2020a — Селезнев Ю. В. «А переменит Бог Орду...» (руско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV вв.). Воронеж: Науч. книга, 2020.
- Селезнев 2020b — Селезнев Ю. В. Количество сельского населения в Новгородской земле в конце XIV — XV в. // Социальный мир деревни X–XXI вв.: Земельные собственники / землевладельцы и земледельцы: XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Воронеж, 22–25 сентября 2010 г. / Ред. кол.: А. А. Горский (Отв. ред.) и др. М.: ИРИ РАН, 2020. С. 9–12.
- Трепавлов 2015 — Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015.
- Хорошкевич 2001 — Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Черепнин 1960 — Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1960.
- Янин 1983 — Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде в XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Материалы юбилейной науч. конф. / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 98–107.
- Martin 1986 — Martin J. Treasure of the land of darkness: The fur trade and its significance for medieval Russia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.

References

- Arakcheev, V. A. (2017). Poriadok sbora ordynskogo “vykhoda” v russkikh zemliakh vo vtoroi polovine XV v. [The order of collecting the Horde tribute in Russian lands in the second half of the 15th century]. In I. N. Bergovskaia, & V. D. Nazarov (Eds.). *Velikoe stoianie na reke Ugre i formirovanie rossiiskogo tsentralizovannogo gosudarstva: lokal’nye i global’nye konteksty: Materialy Vserossiiskoi s mezhnunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii (30 marta — 1 aprelia 2017 g., Kaluga)* (pp. 17–31). Izdatel’ Zakharov S.I. (SerNa). (In Russian).
- Arapov, D. Iu. (2013). Pochtovye povinnosti v Azii i Vostochnoi Evrope v drevnosti i rannem srednevekov’e [Postal duties in Asia and Eastern Europe in the antiquity and the early Middle Ages]. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov’e*, 25, 7–11. (In Russian).
- Cherepnin, L. V. (1960). *Obrazovanie russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vv.: Ocherki sotsial’no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rusi* [Formation of the Russian centralized state in the 14th–15th centuries: Essays on the socio-economic and political history of Russia]. Izdatel’s tvo sotsial’no-ekonomicheskoi literatury. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (1998). Moskovsko-Ordynskiy konflikt nachala 80-kh gg. XIV veka: prichiny, osobennosti, rezul’taty [The Moscow-Horde conflict of the early 80’s of the 14th century: causes, features, results]. In L. V. Sborovskii (Ed.). *Slaviane i kochevoi mir: Srednie veka — rannee Novoe vremia: Sbornik tezisov XVII konferentsii pamiati V. D. Koroliuka* (pp. 31–32). Institut slavianovedeniia RAN. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (2000). *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Nauka. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (2014). Utverzhdenie vlasti Mongol’skoi imperii nad Rus’iu: regional’nye osobennosti [The assertion of the power of the Mongol Empire over Russia: regional features]. *Istoricheskii vestnik*, 10(157), 58–79. (In Russian).

- Kashtanov, S. M. (1988). *Finansy srednevekovoi Rusi* [Finances of medieval Russia]. Nauka. (In Russian).
- Khoroshkevich, A. L. (2001). *Rus' i Krym: Ot soiuza k protivostoianiiu: Konets XV — nachalo XVI vv.* [Rus and Crimea: From union to confrontation: Late 15th — early 16th centuries]. Editorial URSS. (In Russian).
- Kliuchevskii, V. O. (1988). *Sochineniia* [Works] (Vol. 2). Mysl'. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. (1984). *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv.* [The formation of the state territory of North-Eastern Rus in the 10th–14th centuries]. Nauka. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. (2019). Ordynskii “vykhod” (po materialam dushevnykh i dogovornykh gramot russkikh kniazei XIV–XVI vv.) [The Horde “tribute” (based on materials of testaments and contractual documents of Russian princes in the 14th–16th centuries)]. In E. L. Koniavskaia (Ed.). *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi: Sbornik materialov X mezhdunarodnoi konferentsii (9–13 sentiabria 2019 g.): Prilozhenie k zhurnalu “Drevniaia Rus’*. *Voprosy medievistiki*” (pp. 110–111). Indrik. (In Russian).
- Martin, J. (1986). *Treasure of the land of darkness: The fur trade and its significance for medieval Russia*. Cambridge Univ. Press.
- Pavlov, P. N. (1958). K voprosu o russkoi dani v Zolotuiu Ordu [On the issue of Russian tribute to the Golden Horde]. *Uchenye zapiski Krasnoiarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 13(2), 74–112. (In Russian).
- Popov, G. G. (2011). Vliianie mongol'skogo zavoevaniia na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rusi. Osnovnye aspekty [Influence of the Mongol conquest on the socio-economic development of Russia. The main aspects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Ser. Ekonomika*, 2011(4), 28–29. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2010). Toktamys — poslednii khan edinoi Ordy [Toktamys — the last Khan of a united Horde]. *Voprosy istorii*, 2010(2), 122–131. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2012). Proiskhozhdenie poniatii “mongolo-tatarskoe igo” (terminologicheskaiia zametka) [Origin of the concept “Mongol-Tatar yoke” (terminological note)]. *Rossiiskaia istoriia*, 2012(4), 107–110. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2017a). *Kartiny ordynskogo iga* [Pictures of the Horde yoke]. Izdatel'skii dom VGU. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2017b). “Tatarskii proezd” — fiskal'noe obespechenie administrativnogo upravleniia i transportnykh kommunikatsii zolotoordynskogo gosudarstva (na territorii russkikh zemel') [“Tatar passway” — fiscal provision of administrative management and transport communications of the Golden Horde state (on the territory of the Russian lands)]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*, 5(3), 591–599. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2020a). “A peremenit Bog Ordu...” (russko-ordynskie otnosheniia v kontse XIV — pervoi treti XV vv.) [“And if God will change the Horde...” (Russian-Horde relations at the end of the 14th — first third of the 15th century)]. Nauchnaia kniga. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2020b). Kolichestvo sel'skogo naseleniia v Novgorodskoi zemle v kontse XIV — XV v. [The number of rural population in the Novgorod land at the end of the 14th–15th centuries]. In A. A. Gorskii et al. (Eds.). *Sotsial'nyi mir derevni X–XXI vv.: Zemel'nye sobstvenniki / zemlevladel'tsy i zemledel'tsy: XXXVII sessiia Simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy: Tezisy dokladov i soobshchenii: Voronezh, 22–25 sentiabria 2010 g.* (pp. 9–12). IRI RAN. (In Russian).
- Trepavlov, V. V. (2015). *Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatory* [Steppe empires of Eurasia: Mongols and Tatars]. Kvadriga. (In Russian).
- Vernadskii, V. G. (1997). *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Russia]. LEAN; AGRAF. (In Russian).

- Yanin, V. L. (1983). "Chernyi bor" v Novgorode v XIV–XV vv. ["Black tax" in Novgorod in the 14th–15th centuries]. In B. A. Rybakov (Ed.). *Kulikovskaia bitva v istorii i kul'ture nashei Rodiny: Materialy iubileinoi nauchnoi konferentsii* (pp. 98–107). Izdatel'stvo MGU. (In Russian).
- Zotov, R. V. (1892). *O chernigovskikh kniaz'iah po Liubetskomu sinodiku i o chernigovskom kniazhestve v tatarskoe vremia* [About the Chernihiv princes according to the Lyubetsky Synodicon and about the Chernihiv Principality in the Tatar period]. Tipografiia brat'ev Panteleevykh. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Юрий Васильевич Селезнёв

*доктор исторических наук
профессор, кафедра истории России,
исторический факультет, Воронежский
государственный университет
Россия, 394018, Воронеж,
Университетская пл., д. 1
Тел.: +7 (473) 224-75-14
✉ orda1359@mail.ru*

Information about the author

Yuri V. Seleznev

*Dr. Sci. (History)
Professor, Department of Russian History,
Faculty of History, Voronezh State University
Russia, 394018, Voronezh,
Universitetskaya Sq., 1
Tel.: +7(473) 224-75-14
✉ orda1359@mail.ru*